

УДК 94(100)"1914/1918"

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-147-157

EDN: WSYLCN

ASJC 1202

ГРНТИ 03.29.00

Ссылка для цитирования: *Елисеев А. И.* Практики чтения в окопах Первой мировой войны: опыт повседневности и управление временем // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 147–157. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-147-157. EDN: WSYLCN

ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ¹

А. И. Елисеев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34

eliseev.ai@ssau.ru

SPIN-код: 7588-7469

На основе анализа различных эго-документов (дневников, писем, воспоминаний) рассматривается роль чтения книг, газет и писем в повседневной жизни участников Первой мировой войны на Русском фронте. Особое внимание в работе уделено тому, как в описаниях читательских практик отражалось восприятие комбатантами времени, которое они тратили на чтение. С самого начала войны современники отмечали возросшую потребность в чтении. Комбатанты читали и перечитывали приходившие из дома письма, которые позволяли сохранять связь с малой родиной и семьей. Даже военная цензура была не в силах ограничить постоянную потребность коммуникации с домом как напоминание об «обычной» жизни. Автор прослеживает влияние корреспонденции на морально-психологическое состояние комбатантов. Анализируются практики чтения ими газет и книг. Газеты в основном выполняли информационную функцию, синхронизировали «окопное» время с гражданским, восстанавливая разорванные войной связи на социальном уровне, как письма это делали на личном. Чтение газет и книг было способом приспособиться к военной действительности через продолжение занятия мирными делами в военных условиях. Процесс чтения литературы на фронте выполнял релаксационную функцию, являясь способом проведения досуга. Комбатанты использовали книги для отвлечения от военного быта и иногда самообразования. Автор приходит к выводу о том, что практики чтения комбатантами книг, газет и писем можно рассматривать как темпоральное переживание, способ реконфигурации времени войны, преодоления разрыва между прошлым и будущим, который создавали сражения и окопный быт.

Ключевые слова: чтение, время, Первая мировая война, повседневная жизнь, досуг, газеты, книги, письма, военный быт.

Вслед за дискуссиями, обозначившими прагматический поворот в гуманитаристике, ключевыми идеями в понимании практик стали представления об их «фоновом» характере (в рутине и простоте скрыты наиболее важные для человека аспекты вещей), а также их «раскрывающей» способности (конструировать и воспроизводить идентичности) [Волков, Хархордин, 2008, с. 17, 22]. Практики чтения могут быть обусловлены особенностями читателя (его мотивацией, психологическим состоянием, культурным опытом и пр.) и пространством, в котором они реализуются; они воспроизводят идентичность и не обязательно распознаются носителями как значимое социальное явление. Отдельного внимания заслуживают практики чтения комбатантов на фронте, в обстановке военного времени. Особенность Первой мировой войны была в том, что этот военный конфликт протекал в условиях уже сложившегося в Европе нового общества – индустриального, грамотного, социально активного. Это непосредственно сказалось как на восприятии войны, так и на ее отображении в литературных текстах военного и послевоенного времени, т.е. на чтении и письме [Голубинов, эл. ресурс]. Несмотря на то что Первой

мировой войне в целом уделяется в последнее время много внимания, исследования сосредоточены в основном на практиках письма, а не чтения.

Историки, изучающие Первую мировую войну, расходятся во мнении относительно роли чтения в солдатской повседневности. Дискуссию об этом начал американский исследователь Пол Фассел, доказывавший на материалах Западного фронта, что в силу высокого уровня грамотности «атмосфера всеобщего уважения к литературе» и гуманистическая традиция чтения классики процветала не только среди офицерства, но и среди рядовых – выходцев из рабочей среды [Фассел, 2015, с. 211]. Джон Эллис, также изучая Западный фронт, представил другую картину досуговых практик солдат, заявив, что «чтение не было очень популярным занятием» и что рядовые были едва ли настолько образованными, для большинства из них толстый роман был скорее обузой, чем развлечением. Газеты же они не читали из-за их неточностей, больше интересуясь популярными песнями, азартными играми и публичными домами, чем печатным словом [Ellis, 1976, p. 146]. Такая разница подходов объясняется, судя по всему, нерепрезентативными источниками, с которыми работали эти исследователи. Для Фассела комбатанты-читатели – это в основном офицеры, бывшие до войны профессиональными литераторами, тогда как Эллис, также опираясь на мнение офицеров, проигнорировал многочисленные свидетельства существования в окопах книжной культуры, основанной на распространении дешевых популярных изданий.

В единственном пока сборнике статей о практиках чтения на Западном фронте отмечается, что для солдат значение имели не только содержание книг, но и их внешний вид, а также способность выполнять какие-то иные функции. Так, молитвенники и евангелия, которые раздавались на фронте, могли никогда не открываться, будучи только талисманами [Reading and the First..., 2015, p. 13]. Редакторы сборника подчеркивают различие между книгами как физическими объектами, приносящими утешение или отвлекающими от забот, и книгами как ментальными конструкциями, существующими только в памяти и служащими ориентирами при воспоминании о прошлом или о доме в письмах или дневниках комбатантов [Ibid., p. 14].

Подобного исследования на материалах Русского фронта пока нет. Тем не менее в отечественной историографии также появились работы, посвященные отражению войны в публицистических и литературных текстах, созданных комбатантами и для них [Русская публицистика и периодика..., 2013; Политика и поэтика..., 2014]. Кроме того, в отечественной литературе проблематика чтения на войне рассматривается в контексте функционирования военных библиотек [Панченко, 2016] или истории библиотек, создававшихся для раненых и военнопленных [Егорова, 2018; Рубанова, 2015]. Отдельно стоит отметить исследования, посвященные военным изданиям – военной книге [Люттов, 2004] и военной периодике [Гужва, 2008], акцент в которых делается на влиянии такой литературы на морально-психологическое состояние войск. Чтение как важный аспект фронтовой повседневности в годы Первой мировой войны рассматривается в работах Е. С. Сеньявской [Сеньявская, 2014; Сеньявская, 2022], А. Б. Асташова [Асташов, 2014] и Я. В. Валяева [Валяев, 2010; Валяев, 2012]. Однако до настоящего времени недостаточно изучены вопросы, связанные с отдельными видами досуга участников Первой мировой войны.

В данной статье будет раскрыта роль чтения книг, газет и писем в повседневной жизни участников Первой мировой войны именно на Русском фронте. Необходимо учитывать, что практики чтения у людей с разным уровнем грамотности различались. Как отмечает А. Б. Асташов, техника чтения малограмотного в своей массе солдата отличалась от техники чтения образованного человека [Асташов, 2014, с. 568]. Среди малограмотных солдат сохранялась практика чтения вслух, разглядывания картинок из иллюстрированных периодических изданий. Кроме этого, крестьяне как носители устной культуры могли весьма своеобразно воспринимать печатное слово: интерпретации ими прочитанного не всегда коррелировали с вложенной в тексты авторской интенцией [Аксенов, 2020, с. 280]. Этот сюжет заслуживает отдельного исследования. В данной статье мы рассмотрим практики чтения прежде всего грамотных, образованных комбатантов.

Источниками изучения читательских практик комбатантов выступили разнообразные эго-документы – письма и дневники, которые непосредственно передают восприятие авторами пе-

реживаемых событий. Часть из рассматриваемых нами эго-документов была опубликована еще в годы Первой мировой войны. Это дневник сестры милосердия Л. Захаровой (Захарова, 1915) и записки батареинного командира О. Козельского (Козельский, 1915). Подобные тексты не только отражали личный опыт авторов, но и продвигали в массы видение войны армейским руководством. Отдельно стоит сказать об очерке философа и писателя Ф. А. Степуна (Степун, 2000), объединяющем в себе автобиографическую и литературную традиции. С одной стороны, это личное свидетельство участника войны, с другой – художественное произведение. В работе использованы опубликованные письма кадрового военного А. Е. Снесарева (Снесарев, 2012), а также эго-документы представителей гражданских профессий, оказавшихся в результате мобилизации на фронте (письма врача санитарно-дезинфекционного отряда Ф. О. Краузе (Краузе, 2013), дневник ученого-физика С. И. Вавилова (Вавилов, 2016)). Важным источником для нашего исследования стали воспоминания комбатантов. Как отмечается в историографии, воспоминания – это жанр, в содержании которого принципиальную роль приобретают временная дистанция и сознательно выстроенная автором концепция собственной жизни (Первая мировая..., 2019, с. 18). Командир артиллерийской батареи Б. В. Веверн (Веверн, 1938) и гренадер К. С. Попов (Попов, 1925) написали свои мемуары, находясь уже в эмиграции. Эти тексты не испытали на себе цензурных ограничений советского времени. Их авторов, кадровых военных, объединяет желание запечатлеть пережитые события и сохранить память о великой войне и армейских подразделениях, в которых они служили. Офицер Я. Е. Мартышевский, преследовавший ту же цель, отходит от документального повествования и представляет мемуары в виде литературного романа (Мартышевский, 2016), где называет себя вымышленным именем. В противоположность указанным выше воспоминаниям мемуары вольноопределяющегося В. В. Арамилева (Арамилев, 2015) (псевдоним писателя И. А. Зырянова) носят критический характер по отношению к войне. Данные мемуары вышли в свет в 1930 г., пройдя через советскую цензуру. Арамилев не просто обобщил свой боевой опыт, но и постарался выразить личное видение социально-политических событий и процессов, предшествовавших приходу к власти большевиков. Авторы указанных источников объединяет то, что они были образованными людьми, в их текстах сохранились свидетельства о чтении на фронте. На основе этих материалов нами рассматриваются различные практики чтения. При этом особое внимание уделяется тому, как в описаниях этих практик отражалось, во-первых, восприятие комбатантами времени, которое они тратили на чтение, во-вторых, встраивание практик чтения в общий ритм, темпоральность фронтовой жизни. Можно согласиться с французским исследователем Николя Бопре, что именно такая деятельность становилась для них способом реконфигурации времени войны, преодоления цезуры, разрыва между прошлым и будущим, восстановления связи времен, которую разрушали сражения и окопный быт [Beaupré, 2021, p. 258].

Боевые действия в 1914–1918 гг. велись с большими перерывами, необходимыми для сосредоточения вооруженных сил на том или ином участке фронта. Передвижения войск, долгое сидение в окопах, занятия в штабах или на тыловых работах, лечение в госпиталях и лазаретах также требовали определенных часов. При наличии свободного времени офицеры и нижние чины были рады любой книге или периодическому изданию [Панченко, 2013, с. 82]. Как справедливо заметил Пол Фассел, «в 1914 г. кинематографа еще фактически не было, радио не существовало вовсе, а телевидения и подавно», потому «удовольствия, помимо пьянства и секса, сводились по большому счету к наслаждению красиво выстроенными словами» [Фассел, 2015, с. 212]. И хотя известно, что кинематограф уже проникал на фронт, а Фассел здесь позволил себе гиперболу, отрицать роль «наслаждения словом» и на Западном, и на Русском фронтах нельзя.

Печатные материалы были объектом страстного желания образованных комбатантов, как понятно из писем военного врача Ф. О. Краузе, просившего свою невесту в случае приезда захватить их с собой: «Жаждем духовной пищи не менее телесной!», – объяснял он свою просьбу (Краузе, 2013, с. 68). Сестра милосердия Лидия Захарова в дневнике называет «верхом удачи» для солдат возможность прочитать пусть и давно устаревшие номера газет: «С жадным интересом читали случайно попавшийся листок старой газеты, с закруглившимися углами и краями, замусоленными и захватанными прикосновениями многого множества давно немых рук»

(Захарова, 1915, с. 41–42). В этом тексте, допущенном военной цензурой и, очевидно, соответствовавшем ее ожиданиям, Захарова особенно подчеркивала, что газетные статьи буквально «поглощались» «добросовестно, без пропуска», а во время чтения разыгрывались «занимательные сценки». Такое внимание отцензурированного текста к практике газетного чтения позволяет предположить значимость этих ее сторон в понимании военных властей.

Отметим, что возможности для занятия чтением у тех, кто находился на фронте, были различны, в первую очередь из-за уровня грамотности. К тому же читать приходилось в свободное время, а наличие его зависело от распорядка дня и особенностей фронтового быта, формирующегося под влиянием общих (тип и масштаб войны, ее длительность и характер), социальных (принадлежность к роду войск, военной специальности, рядовому или командному составу) и ситуационных (ход военных действий, расположение на участках фронта, расстояние от передовой и пр.) факторов [Сенявская, 2022, с. 387]. Кроме этого, читательские практики определялись банальной обеспеченностью печатными изданиями. В целом меньше возможностей для занятия чтением было у солдат, находившихся непосредственно на передовой в окопах. Лучше условия были у офицеров, а также работников различных служб, находившихся в глубине фронта. Широкими возможностями для занятия чтением располагали, например, раненые в госпиталях, которые временно не принимали участия в боевых действиях и не исполняли служебные обязанности.

Комбатанты регулярно обращались к практикам чтения писем, которые были основной формой их коммуникации с тылом. Так, в октябре 1916 г. через Минскую почтово-телеграфную контору проходило ежедневно 13 711 писем из армии и 13 445 писем отправлялось в армию. Во 2-й русской армии в сентябре того же года «через цензурные пункты прошли 1 350 998 (45 033 в день) [писем. – А. Е.], а в декабре – 8 443 690 (272 055 в день)» (Письма с войны..., 2015, с. 55).

Война разлучила солдат и офицеров с родными местами и близкими людьми, а письма продолжали связывать их с малой родиной и семьей. Благодаря корреспонденции солдаты узнавали о происходящем дома, жизни в тылу, рассказывали о своем фронтовом быте и могли выражать свои взгляды по общественно-политическим и военным вопросам. Чтение писем было неразрывно связано с их написанием. Как подчеркивает К. А. Богданов, письменная переписка строится как общение, диалогически соотносящее голоса собеседников: текст отдельного письма относится к предыдущему письму и подразумевает последующее (XX век..., 2016, с. 681). Чтение письма побуждало к написанию ответного сообщения, а потому оно выступало как бы подготовительным этапом к созданию нового письма. В свою очередь, в послании, отправленном домой родным, формулировался перечень вопросов, ответы на которые комбатант желал узнать в следующем сообщении.

В корреспонденции в тыл военнослужащих заботили в основном жизнь их семьи и положение дел в домашнем хозяйстве. Находясь на фронте, мыслями они продолжали жить дома. Поэтому для солдат было важно оставаться в курсе всех забот, требуя как можно тщательнее описывать домашние дела; кроме этого, они давали рекомендации по ведению хозяйства, создавая иллюзию своего участия.

Послания из тыла ассоциировались с размеренной, мирной и комфортной жизнью дома, ценность которой особенно остро чувствовалась в условиях военных тягот и лишений. Пехотный офицер Я. Е. Мартышевский в своем романе-мемуарах так описывал прочтение письма: «По мере того как я читал, милые и дорогие мне образы матери и сестер встали передо мною как живые, и на мгновение мысленно я переселился в обстановку родной семьи» (Мартышевский, 2016, с. 500). Военный врач Ф. О. Краузе в письме к своей жене признавался: «Хочу скорей получить от тебя письмо, узнать, как ты поправляешься, как растет наша Иринка. Как мне хочется к вам! У вас так хорошо, тепло, светло» (Краузе, 2013, с. 192).

Письма родных были подобны реликвиям, которые всячески старались сохранить. Ностальгия и долгое отсутствие сообщений из тыла заставляли находившихся на фронте неоднократно обращаться к тексту писем из дома. Сообщения внимательно прочитывались, чтобы уловить все детали и смыслы, заложенные отправителем: «...каждую строку почти смакуешь, как-никак, а вести от живых людей», – писал ученый С. И. Вавилов в своем дневнике (Вавилов,

2016, с. 286). Рядовой М. С. Осинских делился с родными: «В один день раз, очень был рад, так не мог вытерпеть заплакал от радости, когда читал их [письма. – А. Е.], и в настоящее время храню их [письма. – А. Е.] и читаю каждый день по несколько раз...» (Первая мировая..., 2019, с. 43). Разлука с любимыми людьми имела большое влияние на восприятие писем. Выражение любви к женам занимало немаловажное место в переписке, в некоторых письмах являясь единственной темой [Астахов, 2014, с. 626–627], и чтение именно этих строк составляло порой ежедневные практики комбатантов. Обращение к сообщениям из дома оказывало сильное влияние на эмоциональное состояние военнослужащих. Наряду с воодушевлением письма могли стать и источником негативных эмоций. В своих сообщениях члены семей жаловались солдатам на трудности жизни в тылу. Это вызывало у них тревогу за родных, формировало взгляды на положение дел внутри страны и усиливало беспокойство цензуры. В целом же письма являлись наиболее прочным каналом коммуникации фронта с тылом, который на личном уровне связывал «окопное» время с «гражданским».

Периодические издания в силу своей хроникальной природы также служили средством восстановления этой разорванной временной связи. К началу войны практики чтения периодической печати получили широкое распространение. Они позволяли комбатантам синхронизировать свое чувство «настоящего» (темпоральность), во-первых, со всем Русским фронтом, во-вторых, с союзниками на других фронтах, в-третьих, с участниками и свидетелями общественно-политических процессов внутри страны. Информационную функцию в основном осуществляли газеты, являвшиеся одним из главных источников новостей. Не получая писем и газет, солдаты чувствовали себя оторванными от остального мира. При этом сведения из печати не всегда отличались актуальностью. Зачастую периодические издания попадали на фронт спустя продолжительное время после выхода. Офицер А. Е. Снесарев в одном из своих писем сообщал: «Газеты читаем 10 дней спустя и тем не менее читаем с жадностью, стараясь понять, что совершилось в последующие девять дней, о которых где-то уже пропечатано» (Снесарев, 2012, с. 63). К подобному промедлению в получении новостей тяжелее было привыкнуть тем, кто до войны старался следить за текущими событиями. Для них были непривычны скудность или полное отсутствие информации. Как отмечает историк Б. И. Колоницкий, к началу войны в самых широких слоях населения была уже сформирована устойчивая привычка к регулярному чтению прессы и постоянному получению новостей [Колоницкий, 2010, с. 24]. Военный врач Ф. О. Краузе в письме признавался: «Я ведь неисправимый газетоман. А здесь, где по целым неделям их [газет. – А. Е.] не видишь, они особенно дороги» (Краузе, 2013, с. 124). В этой связи свежие газеты, попадавшие на фронт, ценились достаточно высоко. Они позволяли солдатам и офицерам чувствовать себя в «одном времени» с теми, кто находился в тылу.

По газетам военнослужащие пытались составить представление о ситуации на своем направлении и на фронте в целом. Гренадер К. С. Попов вспоминал, что при переброске войск с одного участка фронта на другой, читая газеты, он и его сослуживцы «бегло старались воспроизвести общую картину театров войны» (Попов, 1925, с. 52). При этом нельзя сказать, что военнослужащие слепо верили сведениям из газет. Они научились читать между строк. И порой отсутствие информации могло также дать им почву для размышлений и доводов: «Если в газетах молчат или неясность, то где-то у нас небольшой кризис...», – объяснял в письме жене полковник А. Е. Снесарев (Снесарев, 2012, с. 67). О том, что пресса не всегда правдиво отражала ситуацию на фронте, вспоминал писатель В. В. Арамилев. Он, смотревший на войну с критических позиций, комментировал освещение в печати разгрома армии генерала Самсонова так: «Сегодняшние газеты точно воды набрали» (Арамилев, 2015, с. 38–39).

Военные отмечали разницу между реальными событиями, участниками которых они были, и тем, как эти события описывались в прессе. В этой связи неудивительно, что в своих письмах домой солдаты с первых месяцев войны призывали не верить газетам. Они также критиковали корреспондентов газет за допущенные ошибки в использовании армейских терминов и освещении боевых действий. Командир батареи О. Козельский признавался: «Общий смех и вместе с тем досаду вызывало у нас чтение статей некоторых военных обозревателей» (Козельский, 1915, с. 58). Фигурировавшие в прессе идеи о целях войны и ее значении не всегда были

понятны и близки комбатантам. Как указывал историк И. С. Розенталь, провозглашенные правительством и поддержанные либералами цели войны, о которых писали газеты, говорили командиры и священники, были солдатам и крестьянам не ближе, чем ранее цели войны с Японией [Розенталь, 2022, с. 133]. Проявлением этого может служить текст фронтового письма, в котором автор сообщал: «Читал я газеты, пишут, чтобы воевали до полной победы. Ох, эти патриоты, которые кричат у себя на печке дома о полной победе. А вот попробовали бы здесь посидеть, не то бы запели...» (XX век..., 2016, с. 511). По мере того как затягивался военный конфликт, в армии зрели все новые и новые вопросы, в первую очередь о смысле войны и о путях ее прекращения [Розенталь, 2022, с. 102]. Фокус читательского интереса смещался с фронтовых событий на сообщения о завершении войны и заключении мира. Показательна в этом отношении сцена, воспроизведенная в записках 1916 г. Я. Ф. Кравченко: «Приходит в казарму газетчик: “Биржевые ведомости”, новости про войну – пять копеек!” Кто-то отвечает: “А ты принеси новости про мир. Пять рублей заплатим”. Все смеются» (Кравченко, 2016, с. 124).

Периодическая печать, помимо описания событий на фронте и в тылу, формировала взгляды солдат и офицеров по общественно-политическим вопросам. Она создавала смысловое пространство социума, культивировала определенные идеи и образы. Внимание читателей привлекали сообщения с описанием наиболее значимых событий из политической жизни страны. По материалам эго-источников мы можем наблюдать повышение интереса к периодической печати в связи с революционными событиями 1917 г. и сопряженными с ними изменениями в разных сферах жизни, в том числе в военной. Говоря о настроениях в армии, историк А. Б. Асташов отмечал, что с поздней осени 1916 г. события внутренней жизни России, включая внутривойсковую ситуацию, стали непосредственно отзываться в армии, появилась напряженность, как писала цензура [Асташов, 2014, с. 598]. С этого времени чтение газет из досуга превратилось в необходимость, потому что многие желали разобраться в политических процессах, протекавших в стране. Практика чтения газет связывала фронтового читателя с внутривойсковыми процессами.

В целом газеты служили средством восстановления нарушенной социальной коммуникации, позволяли комбатантам соотнести свое пребывание во «времени войны» с «временем гражданским», остававшимся для них в прошлом до окончания войны и заключения мира. Газеты создавали своего рода отложенный диалог между тылом и фронтом – артикулированный ответ на невыраженный вопрос, – нужный и важный для комбатантов. Война значительно обострила потребность в печатном слове, и газеты пользовались огромным спросом [Колоничский, 2010, с. 24]. По словам командира батареи О. Козельского, «армия чутко прислушивается ко всему, ценит отношение к себе и оправдывает его» (Козельский, 1915, с. 21).

Наконец, практики чтения книг были для комбатанта средством «возвращения» к довоенной жизни и синхронизации с тыловой культурой. Для человека, вырванного из мирной жизни, помещение во фронтовую повседневность становилось настоящим испытанием для его психики и физического состояния. В этой связи он искал средства и способы, которые помогли бы ему приспособиться к новым бытовым условиям. Стремление контролировать воздействие военной действительности выражалось у комбатантов в активных попытках продолжить занятия мирными делами в военных условиях. Обращение к чтению книг позволяло им, насколько это возможно, сближать новый военный быт и прежний, домашний.

Хотя на начальном этапе войны книг комбатантам не хватало. Воинские части, отбывая на фронт, оставляли свои библиотеки в местах квартирования. Книги становились случайной редкостью среди вещей, взятых в поход. Связано это было с тем, что у командования русской армии, командиров воинских частей и большей части российского общества бытовало мнение, будто на войне читать станет некогда. Роль походных библиотек на территории театра военных действий была сильно недооценена [Панченко, 2016, с. 327].

Проблему обеспечения военнослужащих книгами пришлось решать уже по ходу войны. Например, в 1915 г. Московская городская управа получала от офицеров с фронта письма с просьбой организовать снабжение литературой. Особенно востребованы были произведения беллетристики, печатавшиеся в популярных журналах: «Иногда бывают минуты, – писал офи-

цер в одном из писем, – когда собираем клочки из старой “Нивы”, где-либо разбросанные, кое-как составляем из продолжений рассказы и зачитываемся ими» (Библиографические известия, 1915, с. 191–192).

Большую роль в обеспечении военнотружущих литературой сыграли общественные организации и даже отдельные граждане. Командование армии старалось контролировать их усилия, составляя списки произведений печати, которые дозволялось читать солдатам [Рубанова, 2015, с. 100]. Особым спросом пользовались библиотеки, отправляемые на фронт Всероссийским земским союзом, которые могли доходить до нескольких сотен томов. Б. В. Веверн в своих мемуарах, созданных в эмиграции, писал, что в землянку, где такая библиотека была размещена, «ежедневно началось паломничество офицеров и солдат всего дивизиона за книгами» (Веверн, 1938, с. 135).

Позиционная война поставила перед находившимися на фронте войсками проблему поиска занятий, которые помогли бы солдатам и офицерам преодолеть элементарную скуку и тоску. И чтение книг становилось одним из решений данной проблемы. Ученый С. И. Вавилов, проходивший службу в военно-дорожном отряде, в своих дневниковых записях 1915 г. сокрушался о приближении «страшной богини – Скуки», от которой было только одно радикальное противоядие – книги (Вавилов, 2016, с. 391).

Некоторые военнотружущие использовали свободное время для занятия самообразованием. Офицер А. Е. Снесарев в своих письмах, говоря о потребности офицеров в учебной и научной литературе, приводил в примеры прапорщика артиллерии, студента университета, который готовился на фронте к последнему зачету, полковых врачей, постигающих английский язык, а также офицера, который изучал французский язык по разорванным книжкам из одной польской библиотеки (Снесарев, 2012, с. 169).

Чтение выполняло также эскапистскую функцию: книги позволяли военнотружущим отвлечься от тягот окружающей их действительности, забыться, получить психологическую разрядку, столь необходимую в условиях фронта. Тот же А. Е. Снесарев, успевший с начала войны получить опыт командования полком, а затем и бригадой, в ноябре 1915 г. в письме к своей жене размышлял, что чтение «дает отдых нервам, поддерживает нервную систему, которая несет теперь столь большое испытание» (Там же, с. 261).

Война накладывала определенный отпечаток на прочтение и восприятие книги. Получаемый в бою опыт казался комбатантам настолько уникальным, что его нельзя было сравнить с прошлым, а печатное слово неспособно было его передать. Офицер Я. Е. Мартышевский в своем романе-мемуарах, рассуждая об описании военных действий в литературе, заявлял, что «ни перо писателя, ни кисть художника не в состоянии воспроизвести даже сколько-нибудь близкое к тому, что происходит вокруг человека во время боя, особенно в нем самом, за этой чертой видимого и осязаемого» (Мартышевский, 2016, с. 367).

Среди комбатантов наблюдался устойчивый интерес к исторической литературе, прежде всего к исторической прозе. А. Б. Астахов отмечает, что настоящее и будущее виделись находившимся на фронте мрачными и безысходными. Отсюда и появлялись представления о прошлом времени как о времени счастливом, реальном, более продолжительном [Астахов, 2014, с. 384]. Пол Фассел, говоря о популярности произведений XVIII в. среди военнотружущих, подчеркивал, что эти произведения были местом, «куда можно было заползти и на несколько минут отрешиться от зрелищ, звуков и запахов двадцатого столетия» [Фассел, 2015, с. 218–219].

Война способствовала поиску новых смыслов в книгах. В этом отношении интересны письма участника войны Ф. А. Степуна. Степун был философом, писателем, и это накладывало отпечаток на его читательский опыт и восприятие текстов. Так, после перечитывания на фронте романа Тургенева «Дворянское гнездо» его «потрясла вовсе не трагедия Лизиной любви, но совсем иная трагедия присужденности всего живущего к старости и смерти». Далее он признавался, как «остро почувствовал, что все стареет», в том числе и он сам, «и что жизнь уходит, и что жизнь ушла...» (Степун, 2000, с. 64–65). В этом проявлялась еще одна роль чтения – экзистенциальная. Книга побуждала не только к обдумыванию прочитанного, но и к размышлению о самом себе.

Таким образом, с самого начала Первой мировой войны среди ее участников наблюдалась потребность в занятии чтением. При этом возможности для чтения у тех, кто находился на фронте, заметно отличались. У них был различный уровень образования, имелись свои особенности фронтового быта. Комбатанты регулярно обращались к практикам чтения писем, что позволяло им сохранять постоянную связь с малой родиной и семьей. Письма являлись наиболее прочным каналом коммуникации фронта с тылом, который на личном уровне связывал «окопное» время с «гражданским». Особенностью чтения писем являлось то, что оно было неразрывно связано с их написанием: прочтение текста письма подразумевало составление ответного сообщения. Чтение газет позволяло комбатантам синхронизировать свою жизнь с военнослужащими на других участках фронта, а также с гражданами, оставшимися в тылу. Нельзя сказать, что солдаты полностью доверяли прочитанному. Они нередко критиковали газеты и корреспондентов за искажение информации или допущенные ошибки. Чтение книг было способом приспособиться к военной действительности через продолжение занятия мирными делами в военных условиях. При этом оно решало одну из важных проблем позиционной войны – проблему поиска занятий и развлечений. Чтение книг позволяло комбатантам получить новые знания, отвлечься от тягот окружающей их действительности и обратиться к осмыслению своих мыслей, чувств, эмоций и проживаемого времени. Все это позволяет рассматривать практики чтения, с одной стороны, в контексте истории эмоций (практики маркируется словами «скука», «тоска» и т.п.), а с другой стороны, они связаны с организацией времени, и их можно отнести проблемам междисциплинарного исследовательского поля *temporal studies*.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01430.

Список источников

- Арамилев В.В. В дыму войны: записки вольноопределяющегося. 1914–1917 годы. М.: Кучково поле, 2015. 288 с.
- Библиографические известия: журнал. 1915. № 3/4. С. 191–192.
- Вавилов С.И. Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Кн. 1. 1909–1916. М.: Наука, 2016. 655 с.
- Веверн Б.В. 6-я батарея, 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Париж, 1938. Т. 2. 183 с.
- XX век: письма войны / сост., вступ. статья, ред. С. Ушакин, А. Голубев; подготовка документов Е. Гончарова, И. Реброва. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с.
- Захарова Л. Дневник сестры милосердия: на передовых позициях. [1914–1915 гг.]. [Пг.]: Б-ка Великой войны, 1915. 173 с.
- Козельский О. Записки батареиноного командира: сост. по письмам, заметкам и рассказам участника войны. Пг.: Б.А. Суворин, 1915. Вып. 1. 97 с.
- Кравченко Я.Ф. Записки. 20 февраля – 7 июля 1916 г. // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: сб. документов. М.: РОССПЭН, 2016. С. 119–201.
- Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб.: Нестор-История, 2013. 332 с.
- Мартышевский Я.Е. По скорбному пути. Воспоминания. 1914–1918. М.: Кучково поле: Евробонд, 2016. 752 с.
- Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / вступ. ст. М.А. Литовская и О.Л. Лейбович; науч. ред. Н.В. Суржикова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 415 с.
- Письма с войны 1914–1917 / сост. А.Б. Астахов, П.А. Симмонс. М.: Новый хронограф, 2015. 800 с.
- Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914–1920. Белград, 1925. 286 с.
- Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2012. 800 с.
- Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллерииста. Томск: Водолей, 2000. 192 с.

Библиографический список

- Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с. EDN: VRDZHP.
- Валяев Я.В. Фронтовая жизнь солдат Российской Императорской армии в годы Первой мировой войны // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. История, Политология, Экономика, Информатика. 2010. № 19. С. 159–164. EDN: NWAРНН.
- Валяев Я.В. Фронтовой быт военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны: август 1914 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2012. 26 с. EDN: ZORAZD.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петерб., 2008. 298 с. ISBN: 978-5-94380-078-8. EDN: YWCDGG.
- Голубинов Я.А. Первая грамотная война человечества [Электронный ресурс] // Warspot. URL: <https://warspot.ru/8868-pervaya-gramotnaya-voyna-chelovechestva> (дата обращения: 12.11.2024).
- Гужва Д.Г. Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с. EDN: NJHUIR.
- Егорова Н.А. Книга, библиотека и чтение в лагерях для военнопленных Российской империи в Германии и Австро-Венгрии в период Первой мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2018. Вып. 8. С. 244–274. EDN: ZDIKAP.
- Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
- Люттов С.Н. Военная книга в России: вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 375 с. EDN: ZMTMVP.
- Панченко А.М. История военных библиотек в контексте развития библиотечного дела России: 1802–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2016. 613 с.
- Панченко А.М. Распространение произведений печати среди офицеров и солдат Русской армии в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Тр. ГПНТБ СО РАН. Вып. 3. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. Новосибирск, 2013. С. 81–101. EDN: RANCFN.
- Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы / [редкол.: В.В. Полонский (отв. ред.) и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 878 с.
- Розенталь И.С. Война и мир в общественной мысли и массовом сознании // Очерки русской культуры. Начало XX века. М.: РОССПЭН, 2022. С. 101–153.
- Рубанова Т.Д. Библиотеки для раненых воинов и военнопленных в годы Первой мировой войны // Библиотекословение. 2015. № 6. С. 98–106. EDN: YLEXPR.
- Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика: сб. ст. / [редкол.: В.В. Полонский (отв. ред.) и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 598 с.
- Сенявская Е.С. Окопный быт Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7, № 1. С. 192–219. EDN: QOASXY.
- Сенявская Е.С. Фронтовая повседневность // Очерки русской культуры. Начало XX века. М.: РОССПЭН, 2022. С. 385–428. EDN: TOKMZW.
- Фассел П. Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петерб., 2015.
- Beaupré N. «Time and the Soldier»: Experiences of Time in the Great War // Time on a Human Scale: Experiencing the Present in Europe, 1860–1930 / eds. by J. Wright, A. Fryxell. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 257–276.
- Ellis J. Eye Deep in Hell: Trench Warfare in World War One. London: Croom Helm, 1976. 215 p.
- Reading and the First World War: Readers, Texts, Archives / eds. by S. Towheed, E.G. King. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 266 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.06.2025

READING PRACTICES IN THE TRENCHES OF WORLD WAR I: EXPERIENCES OF EVERYDAY LIFE AND TIME MANAGEMENT

A. I. Eliseev

Samara University, Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russia

eliseev.ai@ssau.ru

SPIN: 7588-7469

The article analyses various ego-documents (diaries, letters, memoirs), it is devoted to the role of reading books, newspapers and letters in the everyday life of the participants of the First World War on the Russian front. The author pays particular attention to how the descriptions of reading practices reflect the combatants' perceptions of the time they spent reading. From the very beginning of the First World War, there was a need for reading among its participants. Soldiers at the front read the letters they received from home, which allowed them to keep in touch with their small homeland and family. The soldiers read the letters carefully and reread them several times. Even military censorship failed to limit the constant need for communication with home as a reminder of «normal life». The author examines the influence of letters from home on the moral and psychological state of the soldiers. The article analyses the practice of reading newspapers and books by the combatants. Newspapers served primarily an informational function. By reading newspapers, front-line soldiers tried to get an idea of the situation at the front and to learn about life in the rear. This allowed soldiers to synchronise their time with soldiers in other sectors of the front and with the population left behind. Reading newspapers and books was a way to adapt to military reality by continuing to engage in peaceful activities in military conditions. Reading at the front also had a relaxing function, as it was a way of spending leisure time. Front line soldiers used books for self-education, demonstrating the educational role of books. Reading had an escapist function, allowing them to escape from the harshness of the surrounding reality. The author concludes that the practice of reading books, newspapers, and letters by combatants can be considered as a temporal experience, a way to reconfigure the time of war and bridge the gap between the past and future created by battles and trench life.

Key words: time, World War I, daily life, leisure, newspapers, books, letters, military life.

Acknowledgments

The study was funded by the Russian Science Foundation grant № 24-28-01430.

References

- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii* [Rumors, images, emotions: The mass moods of Russians during the years of war and revolution]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Astashov, A. B. (2014). *Russkiy front v 1914 — nachale 1917 goda: voennyy opyt i sovremennost'* [The Russian front in 1914 — early 1917: Military experience and modernity]. Novyy khronograf.
- Beaupré, N. (2021). "Time and the soldier": Experiences of time in the Great War. In J. Steinberg & B. Ziemann (Eds.), *Time on a human scale: Experiencing the present in Europe, 1860–1930* (pp. 257–276). Oxford University Press.
- Ellis, J. (1976). *Eye deep in hell: Trench warfare in World War I*. Croom Helm.
- Egorova, N. A. (2018). Book, library, and reading in the camps for prisoners of war of the Russian Empire in Germany and Austria-Hungary during the First World War. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2018, 244–274.
- Fussell, P. (2015). *Velikaya voyna i sovremennaya pamyat'* [The Great War and modern memory] (A. Glebovskaya, Trans.). Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Golubinov, Ya. A. (n.d.). *The first literate war of mankind*. Retrieved November 12, 2024, from <https://warspot.ru/8868-pervaya-gramotnaya-voyna-chelovechestva>
- Guzhva, D. G. (2008). *Rossiyskaya voennaya periodicheskaya pechat' v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [The Russian military periodical press during the First World War, 1914–1918] [Abstract of Candidate of Sciences dissertation, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation].
- Kolontsikov, B. I. (2010). «*Tragicheskaya erotika*»: *Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny* ["Tragic eroticism": Images of the imperial family during the First World War]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lyutov, S. N. (2004). *Voennaya kniga v Rossii: Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka* [The military book in Russia: The second half of the 19th — beginning of the 20th century] [Doctoral dissertation, Moscow State University of Printing Arts].
- Panchenko, A. M. (2013). Distribution of printed works among officers and soldiers of the Russian Army in the First World War (1914–1918). *Trudy GPNTB SO RAN*, 3, 81–101.
- Panchenko, A. M. (2016). *Istoriya voennykh bibliotek v kontekste razvitiya bibliotechnogo dela Rossii: 1802–1917 gg.* [The history of military libraries in the context of the development of library science in Russia: 1802–

1917] [Doctoral dissertation, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences].

Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoy mirovoy voyny: publikatsii, issledovaniya i materialy [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First World War: Publications, research and materials]. (2014). IMLI RAN.

Reading and the First World War: Readers, texts, archives. (2015). (S. Towheed & E. King, Eds.). Palgrave Macmillan.

Rozental', I. S. (2022). War and peace in public thought and mass consciousness. In *Ocherki russkoy kul'tury. Nachalo XX veka* [Essays on Russian culture. The beginning of the 20th century] (pp. 101–153). ROSSPEN.

Rubanova, T. D. (2015). Libraries for wounded soldiers and prisoners of war during the World War I. *Bibliotekovedenie*, 6, 98–106.

Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoy mirovoy voyny: politika i poetika: issledovaniya i materialy [Russian journalism and periodicals of the era of the First World War: Politics and poetics: Research and materials]. (2013). IMLI RAN.

Senyavskaya, E. S. (2014). The trench life in the First World War: A sketch of daily life at the front. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 7(1), 192–219.

Senyavskaya, E. S. (2022). Frontline daily routine. In *Ocherki russkoy kul'tury. Nachalo XX veka* [Essays on Russian culture. The beginning of the 20th century] (pp. 385–428). ROSSPEN.

Valyayev, Ya. V. (2010). Life at the front line of the imperial Russian army soldiers during World War I. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya, Ekonomika, Informatika*, 19, 159–164.

Valyayev, Ya. V. (2012). *Frontovoy byt voennosluzhashchikh rossiyskoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny: avgust 1914 — fevral' 1917 gg.* [Front life of servicemen of the Russian army during the First World War: August 1914–February 1917] [Abstract of Candidate of Sciences dissertation, Belgorod National Research University].

Volkov, V. V., & Kharkhordin, O. V. (2008). *Teoriya praktik* [Theory of practices]. Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.